

Дымова И.А.

Оренбургский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ НЕКРАСОВА

В статье анализируется каталектика стихотворных новелл Н.А. Некрасова в проекции на общий фон русского стихосложения поэзии середины XIX века и стихосложение самого поэта; особое внимание уделяется функциям однородных окончаний.

Стихосложение Н.А. Некрасова уже довольно хорошо изучено, однако подавляющее большинство работ исследователей посвящено проблемам изучения отдельного компонента стиха, как правило, метрики и строфики, целиком во всем творчестве поэта, без жанровой дифференциации [1]. Мы предприняли попытку исследовать стих отдельного жанра в проекции на общий фон русского стихосложения, опираясь на фундаментальные труды М.Л. Гаспарова «Современный русский стих. Метрика и ритмика» [2], «Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика» [3]. В настоящей статье, которая продолжает ранее опубликованные наши работы по метрике [4], строфике [5], стихотворным переносам (enjambements) новелл Некрасова [6], мы проведем анализ каталектики стихотворных новелл поэта. Принцип рассмотрения материала тот же: стих исследуемого жанра анализируется в проекции на общий фон русского стихосложения и на стихосложение самого поэта, при этом преимущественное внимание уделяется периоду создания Н.А. Некрасовым новаторского жанра, т. е. 50-70-м гг.

Вначале кратко охарактеризуем новый период истории русского стихосложения, опираясь на результаты исследований М.Л. Гаспарова с учетом жанровой дифференциации поэзии. Содержанием нового периода истории русского стиха, по словам академика, стала «установка на прозаические приемы подачи материала», окончательно разложившая «прежнюю систему поэтических жанров с их метрическими ассоциациями», когда «жанровые ассоциации стиха сменяются тематическими» [3, 173]. Вольный ямб стремительно идет на убыль: «его по меньшей мере вдвое меньше,

чем в предыдущем периоде», т. к. жанры, которые были его носителями (басня, послание, комедия), не могут его поддержать¹, в то время как 5-стопный ямб, ставший наследником 6-стопного ямба в больших жанрах – трагедии, драме и произведениях с исторической, эгегической и смежной с ней тематикой, – опережает его по числу строк, но еще отстает от него по числу написанных произведений [3, 173]. Ямб 6-стопный становится более употребительным, так как к нему обращаются в малых лирических произведениях вдвое чаще, чем раньше. «Старые жанры сумели передать этот размер новым темам. Идиллии вышли из обихода, но от них 6-стопный ямб перешел в «антологическую лирику» на античные темы <...>, в описательную пейзажную лирику <...>, в набирающий силу романс <...> и патетическую гражданскую лирику» [3, 172]. В рассматриваемый период увеличивается доля хорей². В связи с исчезновением анакреонтической традиции, салонного романа, сблизившегося с народной песней, с перерождением философской лирики упрощается тематический репертуар 4-стопного хорей, опорой которого в XVIII веке была песня, а метрико-ритмический репертуар, наоборот, расширяется [3, 175]. Успешно функционирует 5-стопный хорей, который одновременно питают две тематики – лирическая и эпическая [3, 177]. Таков общий фон русского стихосложения, в котором Некрасов занимал главенствующее место не только как продолжатель лучших традиций в области стиха, но и, что самое главное, как новатор, создавший принципиально новый стихотворный жанр.

Отмеченная М.Л. Гаспаровым «установка на прозаические приемы подачи материа-

¹ Вольный ямб русской поэзии XVIII-XIX вв. детально исследован в жанровом, стиховедческом и стилистическом аспектах в докторской диссертации С.А. Матяш [7].

² Согласно статистике М.Ю. Лотмана, если в XVIII веке хорей было 12,7%, то уже в середине века эти показатели значительно возрастают (ср.: в 1841-1850-х гг. – 18,5%; в 1851-1860-х гг. – 22,0%; в 1861-1870-х гг. – 27,5%). См.: [1, Лотман, 109, 139].

ла» в середине XIX века, по нашему мнению, во многом способствовала формированию жанра стихотворной новеллы, каталектику которой мы намерены изучить. В большей части новелл Н.А. Некрасова (в 19 из 28) используется сочетание мужских и женских окончаний (клаузул), господствующих, как известно, в классическом стихе русской поэзии. Такое традиционное сочетание клаузул в исследуемом жанре составляет 37,52%: 36,78% (1116:1094 строк) соответственно (см. наши данные в таблице).

Незначительное преобладание мужских клаузул над женскими будет объяснено при последующем анализе каталектики. Согласно нашим наблюдениям, причиной сокращения женских окончаний может являться вторжение дополнительных дактилических клаузул, чередующихся с мужскими. Другой причиной преобладания мужских окончаний может стать их концентрация на небольшом стиховом отрезке.

Первую причину преобладания мужских клаузул объясним на примере новеллы «Папаша», в которой вторжение дактилических окончаний и их сочетание с мужскими окончаниями выполняет свою специфическую функцию, придающую речи рассказчика, поющего «в порыве усердия» восторженно-поэтические дифирамбы («Муза! воспой же его добродетели!»), иронично-язвительные интонации:

Мы за здоровье хозяина пили,	Ж
Мы цаловалися с ним,	м
Правда, что слухи до нас доходили...	Ж
Что нам до слухов – и верить ли им?	м
Старый газетчик, в порыве усердия,	Д´
Так отзывался о нем:	м
«Друг справедливости! жрец милосердия!»	Д´
То вдруг облаял потом, –	м
Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили	Д´
Подлости явной: в игре он платил.	м
Муза! воспой же его добродетели!	Д´
Вспомни, он набожен был;	м
Вспомни, он руку свою тороватую	Д´
Вечно раскрытой держал,	м
Даже Жуковскому что-то на статую	Д´
По доброте своей дал! [8]	м

Таблица. Каталектика стихотворных новелл Н.А. Некрасова³

Тип окончаний	Количество строк	Количество строк (%)	Количество новелл	Количество новелл (%)
Сплошные м	136	4,57	2	7,14
Сплошные Ж	62	2,08	1	3,57
Сплошные Д´	88	2,96	1	3,57
Ж+м	948+963	31,90+32,40	17	60,73
м+Ж	153+146	5,14+4,91	2	7,14
Д´+м	219+210	7,36+7,06	4	14,28
м+Д´	20+40	0,67+0,67	1	3,57
Итого	м	1482	49,83	-
	Ж	1156	38,87	-
	Д´	334	11,23	-
Всего	2972	99,93	28	100

Вторую причину скопления однородных окончаний в небольшом стиховом контексте рассмотрим на примере новеллы «В дороге», в которой этот прием придает речи разговорный колорит, делает речь рассказчика более подвижной, гибкой, чему способствуют нередкие обращения к слушателю, с призывами послушать и понять, при этом часто используются редуцированные звуки, просторечно-разговорные частицы:

«Скучно, скучно!.. <u>Ямщик удалой,</u>	м
Разгони чем-нибудь мою скуку!	Ж
Песню, что ли, <u>приятель,</u> запой	м
Про рекрутский набор и разлуку;	Ж
Небылицей какой посмеши	м
Или, что ты <u>видал,</u> расскажи –	м
Буду, <u>братец,</u> за все благодарен».	Ж
– Самому мне невесело, <u>барин:</u>	Ж
Сокрушила злодейка жена!..	м
<u>Слышь ты,</u> смолоду, <u>сударь,</u> она	м
В барском доме была учена	м
Вместе с барыней разным наукам,	Ж
<u>Понимаешь-ста,</u> шить и вязать,	м
На варгане играть и читать –	м
Всем дворянским манерам и штукам. / I, 11/ Ж	

В только что процитированном отрывке возникает сочетание разных приемов: появившийся монорим усиливает перенос типа *contre-rejet*:

³ В таблице используются следующие условные обозначения: м – мужские окончания; Ж – женские окончания; Д´ – дактилические окончания. Укажем, что при подсчетах из общего количества строк (2974) исключены 2 строки «графического эквивалента текста» новеллы «Убогая и нарядная».

Сокрушила злодейка жена!..	а	Неравно в самом деле умрешь,	м
Слышь ты, смолоду, сударь, она	а	В чем пойду проводить на кладбище?	Ж
В барском доме была учена <...>	а	Закивал головой...» – Ну и что ж? –	м

Рассмотренный прием скопления мужских окончаний помимо указанных функций может выполнять и другие функции. В частности, может способствовать переводу речи рассказчика к обобщению, а затем к основному событию, описанному в стихотворении, что можно продемонстрировать на примере новеллы «Утренняя прогулка» (из цикла «О погоде»):

Начинается день безобразный –	Ж
Мутный, ветренный, темный и грязный.	Ж
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!	м
Мы глядим на него через тусклую сеть	м
Что как слезы струится по окнам домов	м
От туманов сырых, от дождей и снегов!	м
Злость берет, сокрушает хандра,	м
Так и просятся слезы из глаз.	м
Нет! Я лучше уйду со двора.	м
Я ушел – и наткнулся как раз	м
На тяжелую сцену. Везли на погост <...> / II, 175/м	

Если в предыдущих текстах встречалось незначительное учащение однородных окончаний, то в «Утренней прогулке» конец первого 14-стишия (2 строки) и 18 строк второго строфоиды написаны сплошными мужскими окончаниями (13%), в то время как основной массив новеллы с перекрестным рифмованием мужских и женских окончаний составляет 76%⁴.

У Н.А. Некрасова могут концентрироваться не только мужские, но и (реже) женские окончания, что связано со сменой повествования в монологе и диалоге, когда рассказчик сообщает о печальных событиях и проблемах своей жизни:

Вышла замуж господская дочь,	м
Да и в Питер... А справивши свадьбу,	Ж
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,	Ж
Захворал и на Троицу в ночь	м
Отдал богу господскую душу,	Ж
Сиротинкой оставивши Грушу...	Ж
/«В дороге», I, 11-12/	

Неравно в самом деле умрешь,	м
В чем пойду проводить на кладбище?	Ж
Закивал головой...» – Ну и что ж? –	м
«Ну и умер – и больше ни слова:	Ж
Надо места искать у друга!»	Ж
– И тебе его будто не жаль! –	м
«Что жалеть? нам жалеть недосужно,	Ж
Что жалеть? хоронить теперь нужно».	
/«Утренняя прогулка», II, 177/	Ж

Как показали исследования М.А. Пейсаховича, Н.А. Некрасов «почти не знает (всего 2 случая) сплошных мужских рифм, столь характерных для Лермонтова» [9, 210]. Самое интересное, что оба этих случая, согласно нашим наблюдениям, нашли отражение именно в новаторском жанре: в «Огороднике» и «Вине» сплошные мужские рифмы чередуются с перекрестным рифмованием:

А частенько она приходила с тех пор	а
Погулять, посмотреть на работу мою	б
И смеялась со мной и вела разговор:	а
Отчего приуныл? что давно не пою? / I, 40/	б

Как подумая, весь задрожу,	а
На душе всё черней да черней.	б
Как теперь на людей погляжу?	а
Как приду к ненаглядной моей. / I, 66/	б

Н.А. Некрасов редко пользовался и сплошными женскими рифмами: во всей поэзии всего 4 таких случая [9, 210], а в нашем материале – это каталектика «Княгини»:

Смерть её в Париже не была заметна:	А
Бедно нарядили, схоронили бедно...	А
А в отчизне дальней словно были рады:	Б
Целый год судили – резко, без пощады,	Б
Наконец устали...И одна осталась	В
Память: что с отличным вкусом	
одевалась! / II, 27/ В	

М.Л. Гаспаров отмечает, что «произведения с только женскими или только мужскими рифмами чаще можно встретить в стихах с парной рифмовкой (как в «Княгине». – И.Д.) или в стихах разностопных», что понятно: «там, где ритмические цепи изолированы или представлены строками разной длины, чередование окончаний не столь су-

⁴ В тексте новеллы присутствует и смежное рифмование типа ААбб, что составляет 11%.

щественно» [2, 68]. Учитывая это суждение исследователя, считаем, что «Огородник» и «Вино» – не такие уж частые случаи в поэзии, т. к. рифмовка в них не парная, а перекрестная, да и стихи не разноstopные, а равноstopные⁵, что также свидетельствует о новациях Некрасова в области стиха новелл.

С не менее новаторским подходом создавались и остальные новеллы поэта с использованием дактилических окончаний. Дактилические клаузулы появлялись еще у Тредиаковского («Дайте руки сердцем искренним / В твердый знак любви пред выпранным...»), но в русской поэзии XVIII в. они так и остались экспериментальными. Их освоение совершилось уже в XIX веке, идущее «от совершенной неупотребительности в начале века к широкой популярности в «некрасовские» 1860-1870-е годы [2, 68]. Если в 1810-е годы на 515 текстов приходилось всего одно стихотворение с дактилическими окончаниями, что составляло всего 0,2%, то уже к 1840-м гг.

этот показатель вырос до $2,7 \left(\frac{21}{782}\right)^6$, а к 1860-1870-м гг. до $7,6\%:8,7\% \left(\frac{53}{701}:\frac{41}{469}\right)$ соответственно [2, 67]. Очевидно, М.Л. Гаспаров, учитывая этот факт, назвал Некрасова, ведущего поэта периода, «главным канонизатором дактилических рифм этой эпохи» [3, 147].

В нашем жанре показатель дактилических клаузул хотя значительно ниже традиционных мужских (49,83%) и женских (38,87%), но все-таки составляет больший по сравнению с «некрасовским» периодом процент – 11,23% – это ровно четверть от всех новелл. Дактилические окончания в исследуемом жанре проявляются в двух вариантах: 1) новеллы с только дактилическими клаузулами; 2) новеллы с чередованием дактилических и мужских окончаний. Первый вариант представлен единственной новеллой – это «Дешёвая покупка», состоящая из сплошных дактилических окончаний вольного рифмования:

Муж – господин красоты замечательной, А'
В гвардии год прослуживший отечеству – Б'

Был человек разбитной, обязательный, А'
Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству, – Б'
С ним у нас дело как раз завязалось. В'
Странная драма тогда разыгралась: В'
Мужа застану – поладим скорёхонько; Г'
Барыня выйдет – ни в чём не сторгуешься Д'
(Только глазами её полюбуешься). Д'
Нечего делать! Вставал я ранёхонько, Г'
И, пока барыня сном наслаждалась, – Е'
Многое сходно купить удавалось. // П, 131-132 / Е'

Ко второму варианту относятся: «Филантроп», «Влас», «Похороны», «Зелёный Шум», «Что думает старуха, когда ей не спится», «Кумушки». Приведем пример:

«Охти мне! Часто владыку небесного А'
Я искушала грехом: б
Нутко-се! Сходу-то, с ходу-то крестного А'
Раз я ушла с пареньком б

В рошу... Вот то-то! Мы смолоду дурочки, В'
Думаем: милостив бог! г
Раз у соседки взяла из-под курочки В'
Пару яичек... ох! ох! г
/ «Что думает старуха, когда ей не спится», II, 144/

Темен вернулся с кладбища Трофим; а
Малые детушки вернулись с ним, а

Сын да девочка. Домой-то без матушки Б'
Горько вернуться: дорогой ребятушки Б'

Ревма-ревели; а тятка молчал. в
Дома порылся, кубарь отыскал: в

«Нате, ребята! – играйте, сердечные!» Г'
И улынулись дети беспечные, Г'

Жжжж-жи! Запустили кубарь у ворот... д
Кто ни проходит – жалеет сирот: д

«Нет у вас матушки!» – молвила Марьюшка, Е'
«Нету родимой!» – прибавила Дарьюшка. Е'
/ «Кумушки», II, 145 /

Если во всем творчестве, по данным М.А. Пейсаховича, 36 произведений с дактилическими окончаниями (18,9%) [9, 210], то эти семь новелл в их составе дают вполне

⁵ «Огородник» написан анапестом 4-стопным, а «Вино» – анапестом 3-стопным, чередующимся с анапестом 2-стопным в рефрене.

⁶ Эти данные М.Л. Гаспаров приводит в таблице, где знаменатель показывает общее количество текстов, а числитель – количество текстов с дактилическими окончаниями.

ощутимый процент – 19,4%. Заметим, что чередующиеся мужские и дактилические окончания использовались в водевильных куплетах и в поэме «Кому на Руси жить хорошо», а сплошные дактилические клаузулы употреблялись в эпосе, в былинном жанре, в песнях и духовных стихах [9, 18-21, 34-35].

Отметим, что во всем репертуаре новелл с дактилическими рифмами используется 5 размеров: дактиль 4-стопный («Дешёвая покупка», «Кумушки»), дактиль разностопный («Что думает старуха, когда ей не спится»), хорей 4-стопный («Влас», «Филантроп»), анапест 3-стопный («Похороны») и ямб 3-стопный («Зелёный Шум»). Как видим, дактилические рифмы более всего привились в новеллах, написанных дактилем, и это неслучайно: эта рифма «плавнее всего связывается с движением стоп» [10, 68].

Из трехсложников дактилические рифмы выбрал еще и анапест 3-стопный, что отчасти можно объяснить естественной ритмической связью трехсложного окончания с трехсложными стопами. А в двух хорейских новеллах наблюдаются некоторые ассоциации с народной метрикой⁷. Ямб 3-стопный, ранее используемый в легкой поэзии, в «Зелёном Шуме» позволил создать восторженно-радостное звучание, связанное с наступлением весны и обновлением природы.

Итак, исследование каталектики стихотворных новелл Некрасова позволяет сделать

вывод о том, что поэт, создавая новый жанр, помимо традиционных клаузул впервые в своем творчестве использовал сплошные мужские окончания и ранее редко им употребляемые сплошные женские окончания. Кроме этого, нами отмечен прием скопления однородных окончаний на небольшом стиховом отрезке со следующими специфическими функциями: 1) этот прием в основном способствует прозаизации стиха, придает речи разговорный колорит, делает речь рассказчика более подвижной, гибкой, чему в немалой степени способствуют и нередкие обращения к слушателю, с призывами послушать и понять, с использованием редуцированных звуков, просторечно-разговорных частиц; 2) использование однородных окончаний позволяет подвести речь рассказчика к обобщению, а затем, не делая резких перебоев в повествовании, перевести к основному событию; 3) скопление однородных окончаний чаще всего связано со сменой повествования в монологе и диалоге, когда рассказчик сообщает о важных для него печальных событиях и проблемах своей жизни.

Таким образом, каталектика исследуемого жанра стихотворных новелл Некрасова позволяет сделать вывод о том, что стихотворная новелла была в числе жанров, создание которой позволило Некрасову стать «главным канонизатором дактилических рифм».

⁷ Связь хорея с народной метрикой в русской поэзии была отмечена М.Л. Гаспаровым [10, 68].

Список использованной литературы:

1. См., например: Руднев П.А. Метрический репертуар Некрасова // Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 1975. №24. – С. 93-121. Вишневский К.Д. Метрика Некрасова и ее жанрово-экспрессивная характеристика // Проблемы жанрового разнообразия в русской литературе XIX в. – Рязань, 1972. – С. 242-254. Лотман М.Ю. Русский стих. Семантика стихотворного метра в русской поэзии второй половины XIX века (А.А. Фет и Н.А. Некрасов) // *Slovianska metryka rogowawcza. Semantyka form Wierzowych.* – Wrocław, 1988, №3. – С. 105-143. Маллер Л.М. Метрика Некрасова и традиции русского стиха: автореф. ... канд. филол. наук / Л.М. Маллер. – М., 1982. – 17 с. Пейсахович М.А. Строфика Некрасова // Некрасовский сборник. Т. 5. – Л., 1973. – С. 202-232. и др.
2. Гаспаров М.Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. – М., 1974. – 485 с.
3. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – М., 2000. – С. 168-213.
4. Дымова И.А. Метрика стихотворных новелл Н.А. Некрасова // Вестник Оренбургского государственного университета. – № 11 (36), 2004. – С. 62-68.
5. Дымова И.А. Строфика стихотворных новелл Н.А. Некрасова // Текст: варианты интерпретации: Материалы VIII межвуз. науч.-практич. конф. – Вып. 8. – Бийск, 2003. – С. 69-75.
6. Дымова И.А. Стихотворные переносы (enjambements) новелл Н.А. Некрасова // Художественный текст: варианты интерпретации: Материалы IX межвуз. науч.-практич. конф. – Вып. 9. – Бийск, 2004. – С. 112-116.
7. Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII -XIX вв.: жанр, стиль, стих: автореф. дис. ... докт. филол. наук / С.А. Матяш. – Л., 1986. – 42 с.
8. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 тт.: Т. 2. – Л., 1981. – С. 70-71. Далее тексты цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.
9. Пейсахович М.А. Ук. соч. – С. 210.
10. Гаспаров М.Л. Русский былинный стих // Исследования по теории стиха. – Л., 1978. – С. 18-68.